

Как только мужчина открыл рот, Шао Ицянй увидел его торчащие в разные стороны, мелкие, но крепкие зубы, а на кончике языка, к его ужасу, красовалось маленькое серебряное кольцо. Шао Ицянй почувствовал, что теперь никогда не сможет смотреть на серьги как раньше. Этот человек, пожалуй, был самым эксцентричным, кого он помнил. Не преувеличивая, все странные типы, которых он знал, вместе взятые, не вызывали у него такого отвращения.

Это чувство шло не от его уродливой внешности, а от какой-то беспричинной, непонятной тошноты и ненависти, физиологической реакции, управляемой подсознанием по велению инстинкта.

Он очень ненавидел это чувство быть скованным силой, с которой невозможно бороться, выглядел при этом почти беспомощным. Парочка грубых слов лишь делала его похожим на разъяренное животное, без всякой реальной пользы, скорее на истерику.

У него в голове внезапно всплыла фраза:

— Я надеюсь, однажды ты сможешь твердо стоять на своих ногах, даже если за спиной у тебя ничего не останется.

Это сказала бабушка Шао в темной комнате.

Но он явно понял это неправильно. Он наклонил голову, разглядывая человека, и прикидывал в уме, каковы шансы, если сразиться с ним в одиночку.

Мужчина стоял в проходе, протянув руку через Сун Баобао, чтобы схватить Шао Ицянй, загоразивая Сун Баобао своим плечом.

Сун Баобао, выбрав момент, резко выдернул стул и со всей дури ударил им по спине этого отвратительного мужчины.

— Осторожно!

В этот момент учительница, стоявшая у двери, вскрикнула.

Мужчина даже не оглянулся, ненадолго ослабил хватку Шао Ицянй и небрежно махнул рукой. Слышался треск, и ножки деревянного стула в месте крепления сразу раскололись пополам.

Обломки с неровными краями вылетели обратно и впились в лоб Сун Баобао. На лбу сразу показалась кровь, тонкая струйка потекла через глаз прямо к челюсти, зрелище было очень кровавое.

— Бао!

Шао Ицянй незаметно сжал в руке циркуль, и когда мужчина снова потянулся к нему, вонзил циркуль ему прямо в ладонь.

Он был маленьким, ловким, в два счета запрыгнул на парту, но только успел встать, как руку снова выкрутили, причиняя сильную боль.

Мужчина был подонком, бил старшего младшим, и ударил Шао Ицянй кулаком под ребра.

Шао Ицянй зашипел от боли, но ему было уже не до боли. Сун Баобао после удара замер на месте, окончательно ошарашенный. Шао Ицянй незаметно перенес всю силу на кончики пальцев ног и применил низкий прием — удар, лишаящий потомства.

Эй, попал в яблочко.

Шао Ицянью был в новой обуви, подошва еще не стерлась, была твердой. Такой удар с размаху имел эффект, похожий на тяжелую травму паховой области при падении строительного рабочего с высоты, иначе говоря — «сохранение небесной истины, уничтожение человеческих желаний».

Эффект был мгновенным, человек тут же согнулся от боли и заорал.

Шао Ицянью спрыгнул, потянул оцепеневшего Сун Баобао и побежал, но, оглянувшись и увидев, что кровь из головы Баобао льет ручьем, вспылал гневом. Он схватил стакан с воды с соседнего стола и не раздумывая вылил всё.

Как на зло, вода была горячей, кипятком.

Говорят, наглый боится упрямого, упрямый боится отчаянного, а Шао Ицянью сыграл все три роли. Как только кипяток плеснулся, раздался вопль. Человек был в такой панике, что не знал, за что хвататься. Тут болело, там еще больше. Если «тут» не спасут, он будет как химически кастрированный, а если «там» не беречь, кожу на черепе сварят до состояния ошпаренного мяса.

Шао Ицянью с удовлетворением выдохнул, обернулся и холодно сказал учительнице английского:

— Тебе конец, погоди.

Восьмилетний худышка, обычно с неплохим поведением, кроме драк не имевший нарушений, сейчас, когда он становился жестоким, заставлял дрожать ровесников, а некоторые девочки уже начинали всхлипывать.

Он обернулся, снял школьную форму, но еще не успел приложить её к голове Сун Баобао, как тот, видимо, что-то в голове переклинило, внезапно сорвался с места и побежал очень быстро.

Шао Ицянью пустился в погоню, они добежали до маленького дворика, обнесенного земляной стеной. Сун Баобао не пошел через ворота, а сжался и пролез в дыру у основания стены, похожую на собачью.

Шао Ицянью:

— ...

Неужели нельзя было не унижаться?

Он зажал нос, неохотно влез следом и тут же был потрясен сценой перед глазами.

Во дворике была настоящая свалка, и даже настоящая свалка поднялась бы в знак протеста — везде полиэтиленовые пакеты, бутылки, банки, а также трупы кошек, собак и крыс, которых, похоже, вспороли, как на огромном «небесном похоронном поле».

В центре стоял одинокий кирпичный дом с плоской крышей. Сун Баобао и через дверь не пошел, а как по своей тропинке прыгнул в окно.

Шао Ицянью в пару шагов подошел посмотреть.

Сун Баобао напрямик направился к большому столу во внутренней комнате, резко выдвинул ящик, и Шао Ицяннь случайно прикусил себе кончик языка — содержимое ящика потрясло его еще больше. Там слева направо, в два идеальных ряда, лежали вещи, официально именуемые «запрещенным холодным оружием». Самым невинным выглядели ножницы бренда «Ван Мацзы», а самым сложным была... электрическая пила, которую можно было назвать настоящей роковой женщиной.

Наверное, он слишком много смотрел «Бурые медведи»...

Сун Баобао молча начал выбирать удобное оружие и в итоге схватил выкидной нож, развернулся, чтобы уходить.

Шао Ицяннь, хоть и был хулиганом, в мелких шалостях не всегда разбирался, что правильно, а что нет, но в главных принципах прав и неправ разбирался ясно. Например, сейчас он немного пожалел, что только что подло вылил кипяток на мужчину — это было чересчур. Поэтому разум наконец победил импульс, он метко пнул Сун Баобао под колено, заставив его рухнуть на пол, и крикнул:

— Ты с ума сошел?!

Сун Баобао не обратил внимания, встал и продолжил идти:

— Я пойду и покалечу этого собачьего сына.

Шао Ицяннь щелкнул языком. Сун Баобао с виду был тощим и морщинистым, как недоедающий, но смелости у него было через край, он был тем типом: «не трогай меня — я тебя не трону, тронешь — ответу десять тысяч ударов». Но Шао Ицяннь чувствовал, что это лишь верхушка айсберга.

Однако Сун Баобао даже не смог выйти из двери: его ноги подкосились, и он упал на колени, а из штанов потекла тонкая струйка воды.

Шао Ицяннь:

— ...

Так кто же ты на самом деле... тот идиот, который с ножом пошел искать драку, или этот глупец, который обмочился?

Он, спрятав руки в рукава, обошёл его, осторожно забрал выкидной нож и швырнул его подальше, потом испытующе похлопал его по лицу и спросил:

— Бао? Капустный бао? Мясной бао? Бао с пастой?

Он считал эти слова вполне нормальными, но упустил из виду, что Сун Баобао не человек, который играет по правилам. Эти слова, неизвестно за что задели его чувствительную нервную струну. Он замер, а потом начал реветь в голос.

Шао Ицяннь терпеливо послушал его вой немного, но потом не выдержал, отвернулся и начал ходить вокруг — честно говоря, он и не знал, что в деревне, где он вырос так много лет, есть такой необычный «райский уголок».

Дом был построен в тени, внутри было очень холодно, воздух пахло сыростью. Стены были

покрыты пылью, а посередине висела старая свадебная фотография. На фото мужчина и женщина обнимались, кольца на их руках сияли.

Но... лица обоих были изуродованы ножницами, и в этом холодном домике это смотрелось всё жутче. Шао Ицянь невольно содрогнулся.

Кроме этого, в комнате была только кровать и сейф... если бы Мэнцзы был здесь, в следующий раз обязательно надо привести его расширить кругозор.

У Шао Ицяня, сравнимого с ненасытным зверем, проснулось любопытство, которое невозможно было утихомирить, и он всё больше фантазировал о происхождении Сун Баобао. Как раз в это время тот самый неудачник закончил плакать.

Сун Баобао сам поднялся и очень слабым голосом сказал:

— Эй, потяни меня, у меня ноги мягкие.

<http://bllate.org/book/16843/1549668>